

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 101.1:316

О.А. Коновалова

ИРОНИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПОСТМОДЕРНА В ОТНОШЕНИИ ДИСКУРСА

Рассмотрение иронической стратегии в отношении дискурса обусловлено, в первую очередь, самой спецификой и характером понятия «дискурс», а также его предельной значимостью для постмодернистской культуры.

Прежде всего, *дискурс* – это процесс репрезентации, выраженный в понятиях. Он «организует объекты знания как систему понятий (единиц значения). Значения определяются с точки зрения их позиции в дискурсивной сетке благодаря их оппозиции ко всем остальным понятиям или элементам в системе» [4, 137]. Дискурс, понимаемый как условный язык науки, специфический, социально обусловленный, способ организации устной или письменной речевой деятельности, является одним из ключевых понятий постмодернизма. Именно дискурс несет в себе особый, специфический для той или иной эпохи, подход к сфере знаковых отношений, связей между означаемым и означающим, к языку в широком смысле этого слова. Так как, согласно структурализму, фундаментальной основой всего культурного производства выступает «языковая», знаково-символическая деятельность, то вся культура может быть рассмотрена в соответствии с законами языка, как отношение знака к реальности, означаемого и означающего. Таким образом, дискурс в некоторой степени обуславливает как саму действительность (по крайней мере, ее видение), так и отношение к ней в рамках той эпохи, которую данный дискурс характеризует. Это позволяет предположить, что, во-первых, именно в дискурсивной сфере ироническая стратегия постмодерна проявляет себя наиболее ярко, а, во-вторых, действие иронии по отношению к дискурсу будет сходным с происходящим в культурной сфере, явится отражением результатов иронической стратегии по отношению к постмодернистской реальности в целом.

Постмодернистский дискурс приходит на смену двум предшествующим ему дискурсивным типам, которые М. Фуко выделил в истории нововременной мысли, а именно, ренессансному и новоевропейскому. Хронологически данные дискурсы совпадают с обозначенными Ж. Бодрияром периодами развития так называемых симулякров. В частности, намечающийся пост-новоевропейский дискурс соответ-

ствует эпохе господства симулякров третьего порядка, то есть симуляции. Симулякр и дискурс в эпоху постмодерна наделяются практически равнозначными характеристиками. Если ядром симуляции является процесс отчуждения знака от референтной реальности, а сам симулякр понимается как самореференциальный знак, порывающий с реальностью, то дискурс постмодерна характеризуется, прежде всего, изменением статуса знака: он отражает принципиально новые знаковые отношения, в которых знак репрезентирует саму знаковую сферу.

Несомненно, что новая, объективно складывающаяся реальность обуславливает и определяет способ видения и осмысления данной действительности, специфический тип мировосприятия, новую картину мира и новый язык науки, новый дискурс, описывающий новые реалии. Из этого следует, что постсовременные искусство, литература, наука, язык, коммуникативные модели и пр. есть суть отражение объективной постмодернистской действительности, подчиненные закономерностям развития этой действительности. В частности, дискурс, рассмотренный с точки зрения реализации иронической стратегии постмодернизма, представляет собой не более чем частный случай реализации иронической стратегии в рамках постмодерна в целом.

Традиционный новоевропейский дискурс, не подверженный симулятивизации, предполагает, во-первых, репрезентацию знаком мышления и, следовательно, стоящего за ним субъекта, а, во-вторых, единство означающего и означаемого, знака и референта. Различие двух пластов, которые могут быть обозначены как явный и скрытый дискурс, строится именно на их неразрывном единстве, а не противопоставлении. Оба дискурсивных пласта находятся в отношении взаимосвязанности и взаимообусловленности. Так, явный дискурс не поглощает в себе дискурс скрытый, напротив, выявляет его через себя и имеет своей целью, в конечном счете, достижение истины. В отличие от скрытого, явный дискурс неизменно характеризуется статусом видимости, которая существует главным образом для того, чтобы через него получил возможность пропустить скрытый смысл. Таким образом, новоевропейская рациональность предполагает, по сути, не что иное, как

выявление того или иного смысла, восстановление связей между явным и скрытым дискурсами.

В процессе симулятивизации статус дискурса изменяется принципиальным образом. Исходя из определения симулякра и симуляции, можно предположить, что на первый план в постмодернистском дискурсе выходит тот его аспект, который непосредственно связан с понятием видимости, лишенной содержания, то есть, в данном контексте, смысла. Так, согласно Бодрийяру, подверженный симулятивизации, «снабженческому» дискурс «лишается своего смысла и отклоняется от своей истины» [1, 105]. По крайней мере, поиски смысла и истины отодвигаются на второй план, теряют свое первостепенное значение. Иначе говоря, если до-постмодернистский дискурс нацелен на разрушение видимости и нахождение смысла, то дискурс постмодерна сознательно ограничивается игрой видимостей, размывает смысл, искореняет его, отказывается от самого стремления к поиску истины. Подобное понимание постмодернистского дискурса свойственно, прежде всего, самим постмодернистам и не отражает всех изменений, происходящих в дискурсивной сфере. Вместе с тем, оформление дискурса в эпоху постмодерна происходит в соответствии с иронической моделью.

Сущность постмодернистского дискурса, на первый взгляд, заключается, во-первых, в критике рационалистической традиции, логоцентризма, а, во-вторых, в отказе от выявления истины, которое было характерно для новоевропейского дискурса. Данные признаки, определяющие специфику дискурса в эпоху постмодерна, составляют первый, внешний план, соответствующий «явному» смыслу иронической формулы. Однако ирония всегда предполагает наличие двух смысловых полей, не только явного, но и скрытого (истинного). При этом ирония не сводится к простому переворачиванию смыслов. Сущность иронии, независимо от ее конкретного проявления, «состоит не в открытом переворачивании смысла, а в сохранении двойного смысла, когда явный смысл противоположен скрытому, но... скрытый смысл, истинный, предполагается доступным воспринимающему» [3, 116]. Кроме того, скрытый (истинный) смысл иронии нацелен не только на выявление себя посредством смысла внешне выраженного, но и на его косвенное отрижение. Ирония, при всем своем формальном многообразии, всегда есть отрижение под видом утверждения или наоборот.

Из этого следует, что постмодернистская гуманистическая наука не может ограничиваться осознанием того «перевернутого» состояния дискурса, на которое неоднократно указывали теоретики постмодернизма. Иными словами, внешний план постмодернистского дискурса представляет собой тот

пласт значений, который не является истинным, требующим выражения посредством явно данного, внешне обозначенного смысла. Истинный, скрыто содержащийся в иронической конструкции смысл, может быть выявлен только благодаря этому внешнему, явному плану.

Выявление скрытого смысла определяется, в первую очередь, специфической структурой внешне выраженного смысла, неизменно имеющей знаковый, кодовый характер. Посредством разнообразных сигналов иронии, заключенных в явной форме дискурса, и происходит косвенное выражение подлинного смысла. С одной стороны, это обнаруживает некоторое сходство с новоевропейским дискурсом, в котором явное выявляет через себя скрытое содержание. С другой стороны, между новоевропейским и постмодернистским дискурсом существует принципиальное отличие. Выявление скрытого смысла, то есть истины, в постмодерне отходит на второй план. Постмодерн отрицает истину, но не истину как таковую, а как нечто целостное, абсолютное и неизменное. Истина в постмодернизме предстает как продукт субъективных исканий человека, не обладающий какой-либо реальной объективностью.

Согласно Рорти, момент объективности в истине возникает только в процессе вербализации, который и обеспечивает общезначимость, по сути субъективной, истины. Отмечая, что «истина» всегда выражена и зафиксирована в языке, Рорти рассматривает ее как свойство лингвистической реальности. Однако такое понимание природы истины порождает ряд вопросов. В частности, способна ли данная лингвистическая реальность адекватно отражать реальность не-лингвистическую? Положительный ответ на этот вопрос возможен лишь при допущении модернистской установки на существование единой природы мира и человека, некоего общего, универсального языка. В контексте постмодернистской философии универсальность языка столь же немыслима, как и универсальность законов бытия или абсолютность истины. В реальности имеет место лишь конкретный «словарь», то есть целостный знаково-семантический континуум, в который погружен и которым оперирует отдельный человек или социальная группа. Согласно Рорти, с течением времени происходит переход от одних языковых форм к другим, создание новых словарей. При этом создание нового языка является одновременно и процессом создания новой картины мира, новых представлений и сопровождается «переописыванием» старых представлений в терминах и понятиях нового словаря.

Идея постоянно возникающих новых словарей представляется частным случаем проявления постмодернистской плюралистичности, нашедшей свое отражение практически во всех сферах жизнедеятельности пост-современного общества и при-

знающей право на существование множества истин, множества стилей, множества интерпретаций и т.п. В ситуации плюралистичности приоритет одной истины, одной интерпретации, одного словаря над другими представляется недопустимым, излишним. Требованием новой эпохи становится нейтральность, снисходительность по отношению к «другому», способность к восприятию и принятию этого «другого» (в т.ч. и словаря). Позицию, выражающую данные отношения, Рорти называет иронизмом.

Человек, стоящий на позициях иронизма, – иронист – всегда радикально и беспрестанно сомневается в конечном словаре, которым он пользуется в настоящее время, так как знает другие словари и может оценить достоинства чужих словарей. Он не думает о себе как о знающем истину или могущем ее познать. Он также не полагает, что его словарь «гораздо ближе к реальности, чем другие» [6, 103]. Наконец, иронист понимает, что его восприятие любого явления, процесса, факта зависит исключительно от того, каким словарем он пользуется в настоящий момент, как «переописывается» то или иное явление. Понимая, что «термины самоописания всегда подвержены изменениям» [6, 104], иронист приходит к представлению о «случайности и хрупкости своих конечных словарей, а значит самого себя» [6, 104]. Исходя из этого, иронист ничто (даже самого себя) не может воспринимать всерьез.

Ироническое отношение вообще направлено против пугающей серьезности здравого смысла, однако не в традиционном сократовском значении. Если Сократ иронизировал над мнением обывателя, утверждая при этом идеальные и вечные конструкции, то иронист в понимании Рорти – номиналист. Главной задачей для него является столкновение различных словарей (одинаково приемлемых для него) ради переописания их и себя. Он не ставит целью каких-то выводов, так как в принципе не ориентируется на результат, приемлемый для всех.

Подобная направленность постмодернизма имела своим следствием, в частности, то, что в эпоху постмодерна целью научного познания стало не раскрытие истины, а постановка ее под сомнение, например, посредством иронии. Е. Рашковский пишет, что одним из основных принципов стал «принцип остраненной иронической раскодировки ... принцип, ставящий под заведомое сомнение все то, что воспринимается обыденным бытовым и обыденным научным сознанием в качестве раз всегда данного и гарантированного» [5, 46].

Вместо поиска истины на первый план в постмодерне выходит «внешняя» сторона иронического процесса, суть которой заключается в игре внешних, явных выражений, в создании «снисходительной» видимости, чистой мнимости, что становится

возможным благодаря ироническим сигналам. В постмодернистском дискурсе такие сигналы пронизывают собственно терминологический, понятийный аппарат, который сам суть – иллюзия, видимость, терминологическая симуляция. В бодрийаровском смысле такие понятия, как «симулякр», «концепт», «дискурс», «деконструкция» и др. предельно «снисходительны». Так, например, в определении «дискурса» в «Философском словаре» подчеркивается, что данное понятие «легче описать, чем определить» [8, 162]. В сносках работы М. Фуко «Слова и вещи» переводчиком также отмечается, что термин «дискурс» – термин «исходный и неопределеняемый». Еще более сложное явление представляет собой понятие «деконструкция». Попытку описать, определить данный термин представляет собой «Письмо японскому другу» (Ж. Деррида). Однако содержание «Письма...» сводится к принципиальной его неопределеняемости. Определение того, что есть «деконструкция» не представляется возможным, так же как и определение того, чем «деконструкция» не является, ибо «всякое предположение типа «деконструкция есть X» или «деконструкция не есть X» априори не обладает правильностью... оно по меньшей мере должно» [2, 56]. Трудность определения понятия «деконструкция» связана, прежде всего, с тем, что «все предикаты, все определяющие понятия, все лексические значения и даже синтаксические артикуляции, которые в какой-то момент кажутся готовыми к этому определению... также деконструированы или деконструируемы – прямо или косвенно» [2, 56]. Еще одна причина, по которой определение «деконструкции» практически не представляется возможным, заключается в том, что сам факт определения данного понятия с точки зрения постмодернистской гуманитарной науки явился бы проявлением логоцентризма, деконструировать который и является одной из основных целей деконструкции.

Понимание того, что в действительности представляет собой деконструкция, возможно исключительно благодаря тому или иному контексту, в рамках которого само понятие выступает некоторого рода сигналом. В противном случае оно может быть заменено множеством других понятий. Деррида отмечает, что слово «деконструкция», а также его прямое «машинное» значение, привлекло его внимание постольку, поскольку оно «удачно» выражало то, что сам автор хотел выразить (в силу невыразимости данного явления) хотя бы намеком. Таким образом, принципиальная неопределеняемость понятия, его «знаковость», контекстуальная зависимость позволяют увидеть в нем, как и в других терминах постмодернистского дискурса, сигнал иронии, принадлежность к области внешне выраженного смысла. Не удивительно, что «деконструкция» как некий

иронический, и по сути симулятивный, образ, представляется «снобающим»¹. В том же «Письме японскому другу» Деррида пишет, что привязанная к самому слову «деконструкция» метафора «смогла снобаить или сбить с толку кое-кого» [2, 55].

Постмодернистская ирония проявляется не только в понятии «деконструкция», но и в самом принципе деконструкции. С одной стороны, деконструкция стремится к тому, чтобы деконструировать дискурс, подорвать те бинарные оппозиции и иерархию, которые были базисным элементом дискурса новоевропейского. Вместе с тем, разрушая логоцентристские оппозиции, деконструкция сама становится в положение деконструируемой оппозиции «деконструкция/логоцентризм». В таком случае логичным является утверждение, что «занимающий привилегированное положение термин «деконструкция» на самом деле подчинен девальвируемому термину «логоцентризм», ибо для того, чтобы установить иерархическое превосходство деконструкции, деконструкционист вынужден пытаться представить ее превосходство, ее аксиологический примат, аргументируя и убеждая, апеллируя к тем самым логоцентристическим ценностям, которые он старается девальвировать» [7, 67].

Таким образом, деконструкция, представляя собой значимое явление в рамках постмодернистского дискурса, а именно той его части, которая может быть обозначена как внешне выраженная, явная, противопоставляется скрытому (истинному) пласту смыслов данного дискурса и под видом его отрицания утверждает внешне отрицаемые положения, в частности, ценности и принципы логоцентризма. «Поход против идеи рациональности как бесспорной ценности культуры сам совершается, исхо-

дя из посылок рационального критицизма» [5, 51].

В результате, в постмодерне «прежняя метафизическая озабоченность традиционной и модернистской эпох, прежние стремления к построению всеобъясняющих «метанарративов»... уступило место программному агностицизму. Вызов привычной новоевропейской культуре научного мышления оборачивается старым позитивистским запретом на всякую трансцендентность и метафизику» [5, 49]. На место новоевропейской метафизики постмодернизм поставил иронию – в том числе и иронию в отношении метаповествований. Однако ироническое отстранение (в некотором плане необходимое для традиционной рационалистической культуры и претендующей на вседоказательность метафизики) парадоксальным образом затронуло и сам постмодернистский подход к рациональности и ее наивысшему выражению – метанарративам. Развенчание так называемых матанарративов, идея их конца как крупных мировоззренческих блоков сама превратилась в новое метаповествование, метанарратив.

Таким образом, ироничность постмодернистского дискурса, провозгласившего идею антирационалистичности, заключается в том, что в основе всей постсовременной культуры остается все та же рациональность, строящаяся на тех бинарных оппозициях, которые в постмодернизме подвергаются настойчивым попыткам деконструирования, но которые, по определению Бодрийара, лежат в основании симулятивной реальности. Ведь именно рациональность и бинарная логика в эпоху постмодерна «позволяет пользоваться плодами цивилизации, в том числе и создавая развесистые симулякры» [9, 41], иными словами, определяя постмодернистскую реальность как таковую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бодрийяр Ж.* Снобаин. – М.: Ad Marginem, 2000. 318 с.
2. *Деррида Ж.* Письмо японскому другу // Вопросы философии. - 1992. - № 4. – С.53-57.
3. Любимова Т.Б. Понятие комического в эстетике // Вопросы философии. 1980. № 1. С.111-123.
4. *Найман Е.А.* Дискурс, фигура и нарратив у Ф. Лиотара // Дефиниции культуры.– Томск, 1999. Вып. 4. С.137-150.
5. *Рашковский Е.Б.* Постмодерн: культурная революция или культурная контрреволюция? // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 9. С.46-53.
6. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 279 с.
7. *Серль Дж. Р.* Перевернутое слово // Вопросы философии. 1992. № 4. С.58-69.
8. *Силичев Д.А.* Дискурс // Философский словарь. – М.: Республика, 2001. С.161-162.
9. *Тульчинский Г.Л.* Слово и тело постмодернизма: От феноменологии невменяемости к метафизике свободы // Вопросы философии. 1999. № 10. С.35-53.

□ Автор статьи:

Коновалова
Оксана Александровна
- канд.филос.наук, ст. преп.
каф. философии